

(00:00:00) (Начало записи)

(00:01:00)

Анастасия Астахова: Добрый день. Дорогие друзья, уважаемые гости форума, уважаемые коллеги, начинаем работу нашей сессии. Позвольте представиться. Меня зовут Астахова Анастасия Викторовна, я возглавляю проектный офис по поддержке кооперации в Евразийском экономическом союзе, структуру, созданную на базе Торгово-промышленных палат стран ЕАЭС в целях содействия кооперационным связям в рамках нашего Евразийского союза. Также являюсь советником председателя Московского экономического форума.

Я буду вести сегодняшнюю сессию и благодарю всех за проявленный интерес к нашей чрезвычайно значимой в текущих реалиях теме.

Наша тема, представлю ее, называется «Миграция или экономическая интеграция. Какой тренд победит на постсоветском пространстве?». Мы традиционно обсуждаем актуальные вопросы развития Евразийского экономического союза, тренды, закономерности, актуальные события, и сегодня мы хотели бы поговорить не только о реально конкретных экономических проектах, которые, безусловно, лежат в основе наших интеграционных связей, и их необходимо развивать для того, чтобы интеграция укреплялась, но мы хотим взглянуть на нашу тему несколько шире.

Сегодня мы обсудим три основных блока вопросов в рамках темы ЕАЭС. Первое — мы поговорим, собственно, о текущей ситуации по развитию проектов в области промышленности и агропромышленного комплекса, какие интересные решения приняты в этой сфере, какие результаты есть на сегодня и, собственно, какие проблемы по этому направлению есть, которые предстоит нам совместно решать.

Но, помимо этого, мы хотели бы обсудить сегодня темы, без которых, на наш взгляд, экономическая интеграция не может реализовываться полноценно. Поэтому второй блок вопросов мы посвятим таким значимым аспектам, как вопросы кадров. Поскольку понятно, что сложно говорить об эффективной реализации проектов в других странах ЕАЭС, да и на территории России совместно с партнерами по Союзу, если у нас не решены вопросы кадрового дефицита по ключевым направлениям, востребованным в промышленности и АПК.

Третья тема, которую сегодня хотели бы понять и более подробно осветить, это тема, которая всегда остается где-то на заднем плане наших рабочих диалогов, ежедневных совещаний, дискуссий и заседаний, но она чрезвычайно важна. Это вопросы «мягкой силы».

Что мы хотели бы раскрыть и обсудить в рамках этой темы? Мы прекрасно понимаем, что для того, чтобы развивать экономические отношения, интеграцию, политические связи, нам необходимо иметь определенный базис, на который мы можем опереться в одной из основополагающих сфер — идейной. То есть мы должны и на этом фронте иметь сильную

позицию и выигрывать, для того чтобы те связи, которые мы хотим построить, были крепкими и успешными для реализации наших совместных проектов.

Прекрасно понимаем, что без выстраивания подобного базиса все остальное — и конкретные проекты, и договоренности — это лишь хрупкая конструкция, недолговечная и подверженная определенным временным изменениям и течениям. Поэтому этот аспект тоже сегодня обязательно затронем.

Я хотела бы в первую очередь поприветствовать гостей нашей сегодняшней сессии, поблагодарить за то, что откликнулись на наше предложение. У нас сегодня необычайно интересный спектр гостей, экспертов.

(00:05:00)

У нас будут представлены позиции и взгляд на проблемы, которые я осветила, из различных стран ЕАЭС. Это и Республика Армения, и Республика Казахстан, и Кыргызская Республика. Для меня лично, и я думаю, что для всех гостей в аудитории, необычайно интересно услышать именно позицию и мнение по этому поводу наших гостей из стран. Также профильные эксперты, очень сильные по тем направлениям, которые я затронула, и по кадровым вопросам, и по вопросам «мягкой силы».

Поэтому начинаем нашу дискуссию. Думаю, что она будет интересной и продуктивной. Также хотела бы отметить особенно один аспект.

Дело в том, что, как вы уже поняли из моей вводной части, мы занимаемся вопросами Евразийского союза и работаем по этой теме на ежедневной основе. Мы неравнодушно относимся к этой теме, для нас это не вопрос какого-то одного мероприятия, одного обсуждения.

Я буду очень рада, и я думаю, что сегодня у нас это получится, если в режиме диалога, мозгового штурма, совместного обсуждения мы сегодня не просто нащупаем какие-то болевые точки, но и попробуем все вместе выработать, может быть, определенные предложения, решения, по крайней мере, направления той работы, которую мы должны сделать приоритетной для того, чтобы те системные болезненные вопросы, которые есть, решались более эффективно.

Все это мы сможем использовать в нашей ежедневной работе, поэтому призываю всех спикеров сегодня, пожалуйста, активно высказывайтесь как в контексте выявления проблем, так и в контексте того, что мы можем предложить, как общественная организация; как нам нужно донести свое мнение, как его сформулировать, чтобы в диалоге с лицами, принимающими решения, эти болевые вопросы разрешались.

Слово для первого доклада я хотела бы предоставить Ветошкину Антону Владимировичу, заместителю председателя правления Российско-Кыргызского фонда развития. Предвосхищая доклад нашего уважаемого спикера, я не могу не вспомнить тот невероятно положительный опыт, который у нас был в рамках визитов проектного офиса в страны ЕАЭС.

Мы посещали все страны Союза, когда был запущен первый механизм поддержки кооперации, о нем сегодня подробнее поговорим.

На самом деле один из наиболее теплых приемов, который нам был оказан с точки зрения внимания к теме, интереса, не буду здесь лукавить, если скажу, что он был оказан именно в Кыргызской Республике.

Но при этом есть определенные сложности, связанные с тем, что, несмотря на такой существенный отклик со стороны предприятий, конкретные вопросы, которые нам задавались, неимоверное внимание аудитории к теме ЕАЭС и к реализации совместных проектов, мы не можем похвастаться тем, что у нас сегодня большое количество проектов реализуется и иницируется именно в самом Кыргызстане.

Сегодня было бы очень интересно услышать мнение Антона Владимировича касательно того, что за этим стоит, почему так получается, и, может быть, в этой же связи было бы интересно узнать, насколько эффективно работает тот механизм, который сегодня создан.

Кстати, оговорюсь, он создан при активном содействии и участии в переговорах со стороны именно бизнес-сообщества стран ЕАЭС. Именно бизнес-сообщество было инициатором и вдохновителем создания первого механизма финансирования кооперации. Мы считаем, что первый необычайно важный шаг в этом направлении сделан.

Но это первая ступенька, и нам нужно сегодня вместе посмотреть, насколько она дает результаты, и, если этих результатов недостаточно, то почему, какие механизмы еще необходимы для того, чтобы проектов становилось больше.

Предвосхищая нашу дальнейшую дискуссию, скажу, что на сегодня у нас в пуле рассмотрения в рамках Евразийской экономической комиссии, которая администрирует программу поддержки льготного кредитования совместных проектов, 14 проектов. Из них пять утверждено. Соответственно, два из этих пяти уже находятся в полной стадии реализации.

Это проекты по самым разным отраслям, начиная от серьезных машиностроительных отраслей — железнодорожного машиностроения, сельхозмашиностроения, заканчивая производством персональных компьютеров и товаров строительной индустрии.

Но в то же время, как мы видим, это пока первые шаги, а нам очень важно, чтобы механизм стимулирования кооперации создал своего рода конвейер проектов. Сегодня в диалоге с Антоном Владимировичем и с другими гостями сессии было бы очень интересно поговорить, как прийти к этому.

Также, Антон Владимирович, будет очень ценно, если вы расскажете нам о том, в чем своего рода уникальность Фонда в части продуктов, которые Фонд может предложить в рамках работы этой программы, может быть, альтернативно на рынке.

(00:10:09)

Потому что мы, как сообщество именно бизнес-объединений, на самом старте переговоров, на всех этапах активно продвигали идею включения фонда в работу этой программы с учетом абсолютно уникальных условий по процентным ставкам, которые он может предложить. Сегодня было бы здорово подробнее обсудить, в чем эта уникальность состоит. Пожалуйста, Антон Владимирович, вам слово.

Антон Ветошкин: Благодарю вас, уважаемая Анастасия Викторовна. Для меня большая честь принять участие в этой панельной дискуссии, и хотелось для начала рассказать пару слов о Кыргызстане.

Экономика Кыргызстана демонстрирует просто впечатляющие результаты. Ее рост самый бурный и активный на пространстве ЕАЭС. Это одна из самых быстрорастущих экономик в мире. Так, уважаемые коллеги, за последние четыре года рост экономики Кыргызстана стабильно превышает 9%, а по итогам 2025 года — это выше 11%. Это страна, инвестиции в которую, безусловно, для бизнеса окупятся и будут в перспективе источником и больших прибылей, и новых возможностей.

Если говорить про Кыргызстан, то, как мы с вами видим на этом слайде, износ основных фондов почти 37%. То есть, есть, над чем работать, есть, что поставлять, есть возможность локализовать предприятия. Возможностей действительно очень много.

Эти впечатляющие темпы роста, одна из причин и один из факторов этих темпов роста — это деятельность нашего Российско-Кыргызского фонда развития, созданного Россией и Кыргызстаном, работающего уже более 11 лет. Капитал фонда уставной полностью сформирован Россией. У нас тема «Миграция или интеграция», это как раз тот самый пример интеграции на пространстве ЕАЭС.

Если говорить о фонде, как я сказал, 11 лет он уже работает, его уставный капитал по российским меркам не сильно большой, а для Кыргызстана это значительная сумма, это 500 миллионов долларов США.

Сразу хотелось сказать, поскольку у нас вопросы интеграции и вопросы так или иначе человеческих ресурсов, вопросы миграции, про тот социально-экономический эффект, который достигается благодаря деятельности нашего фонда.

Совокупная выручка заемщиков нашего фонда по итогам прошедшего года составила более 9% от ВВП Кыргызской Республики, совокупные налоговые отчисления — более 3,2%, совокупные социальные отчисления — более 2,1%, а количество созданных новых рабочих мест за период работы фонда — это почти 34 тысячи таких мест. Но это только прямой эффект. С косвенным эффектом гораздо больше, потому что мы, финансируя конкретные предприятия, зачастую стимулируем деятельность целых кластеров экономики.

Место Российско-Кыргызского фонда на финансовом рынке страны очень существенное. Так наш капитал на сегодняшний день — это 597 миллионов долларов США. То есть мы несмотря на то, что не ставим целью зарабатывать, а ставим целью развивать, финансировать проекты, все равно так или иначе работаем на принципах срочности,

платности, возвратности, но платности низкой, срочности длительной. Мы приумножили наш капитал и увеличили ресурсную базу как раз для инвестирования средств в развитие экономики Кыргызстана.

Если говорить про наш кредитный портфель, то это 31% от долгосрочных кредитов, соответствующих нашему мандату. То есть за вычетом ипотеки, потому что мы не финансируем физических лиц. То есть практически треть кредитов — это кредиты, выдаваемые нашим фондом.

Мы являемся надежным партнером Кабинета министров Кыргызской Республики по развитию экономики Кыргызстана. За период нашей работы мы профинансировали более 3 700 проектов на сумму более чем 1 миллиард 260 миллионов долларов. То есть, по сути, мы вложили наш уставный капитал в экономику Кыргызстана уже более, чем в два с половиной раза.

Мы финансируем и крупные проекты, малый и средний бизнес. Малый и средний бизнес — это преимущественно через банки-партнеры, а крупные проекты финансируем сами.

(00:15:02)

Мы покрываем все регионы страны. В Бишкеке финансирование от одного миллиона долларов, Бишкек — это столица Кыргызской Республики, в регионах — от ста тысяч долларов.

Наши финансовые инструменты, если говорить применительно к промкооперации ЕАЭС, это прямое финансирование, то есть инвесткредиты; это проектное финансирование, финансирование абсолютно новых производств, даже компаний SPV, специально созданных для реализации проектов; и финансирование оборотного капитала, чтобы инвестиционные кредиты успешно обслуживались, и чтобы инвестиционные проекты успешно запускались и работали.

Мы финансируем действительно на уникальных условиях. Суммы финансирования у нас до 25 миллионов долларов США или эквивалент в национальной валюте Кыргызстана, в кыргызских сомах. Но в отдельных случаях, когда крупные проекты, мы одобряли и одобряем суммы и в больших размерах.

Процентная ставка у нас 10% в кыргызских сомах. Чтобы вы понимали, это очень конкурентоспособная ставка, потому что средняя ставка по экономике Кыргызстана, по банковской системе выше 18%.

Сроки, как правило, это до 10 лет. До пяти лет — это только тот срок, который субсидируется ЕЭК, а так мы финансируем до 10 лет. То есть первые пять лет можно иметь ставку в районе нуля практически. Сейчас объясню, почему. На текущий момент, а после этого ставка будет 10% в кыргызских сомах, что тоже очень конкурентоспособная ставка.

В отличие от банков, которые требуют, как правило, 120% залогового покрытия кредитных средств, мы на инвест-фазе требуем от 30% для того, чтобы быть максимально гибкими.

Мы в первую очередь смотрим на окупаемость проекта, на его жизнеспособность и всячески помогаем его структурировать, чтобы он успешно реализовывался.

На сегодняшний день учетная ставка в Кыргызской Республике — 12%, мы даем средства под 10%, это без учета субсидий ЕЭК. Таким образом, мы можем выдавать средства от 0,1% в кыргызских сомах в первые пять лет, если проект как раз соответствует критериям промкооперации в рамках программы ЕАЭС.

Здесь некоторое небольшое сравнение, чем наши условия являются более конкурентоспособными, чем стандартные по стране.

Действительно, наша задача — это успешно реализовывать проекты, и для этого у нас также есть грантовый механизм поддержки разработки проектов, поддержки финансово-экономической экспертизы, подготовки бизнес-планов, отраслевых исследований, технологических исследований и даже, в принципе, технологов для запуска успешного нового производства мы можем финансировать на грантовой основе до 100 тысяч долларов на один проект.

В целом про фонд я рассказал, а сейчас хотелось бы рассказать про наше участие в механизме промкооперации.

Действительно, мы очень благодарим и очень признательны и ЕЭК, и странам, входящим в ЕАЭС, за то, что нас включили в эту программу. Но, конечно, возникают сложности. Что же тут говорить, раз Анастасия Викторовна пригласила к диалогу, то у нас был один замечательный проект по финансированию создания локо-роботов, производства локо-роботов в Кыргызской Республике для «Кыргыз Темир Жолу». Это то же самое, что наши «Российские железные дороги», такая же естественная монополия.

Российское предприятие, кыргызское предприятие, казахский компонент был. Но по формальному критерию из-за того, что в уставе этой компании не была указана производственная деятельность, а устав такого естественного монополиста меняется через парламент, плюс есть критерий, что, как минимум, год работы должен быть в промышленной сфере, одобрить мы одобрили, направили в ЕЭК, но в конечном итоге получили отказ, и просто профинансировали по нашим льготным условиям. Не сверхльготным, которые в рамках промкооперационного механизма, но, тем не менее, по нашим льготным.

Также что еще немножко затрудняло работу — то, что всего лишь два раза в год можно было подавать заявки на рассмотрение в Евразийскую экономическую комиссию. Но сейчас недавно приняли как раз возможность подавать четыре раза в год.

У нас есть тоже один интересный проект по промкооперации России, Кыргызстана и Беларуси, до 1 апреля заявку подать мы не успели, поскольку проект еще прорабатываем, 1 октября для данных предпринимателей слишком поздно. Хорошо, что появилась возможность до 1 июля. Надеюсь, что это у нас получится.

(00:20:00)

Также в Кыргызстане очень активно развивается и работает сельское хозяйство. Но агропромышленный комплекс пока только рассматривается для включения в программу промкооперации ЕЭК. Мы всячески приветствовали бы, чтобы он был как можно быстрее туда включен.

Что касается подачи документов, в идеале было бы, конечно, хотя бы раз в месяц для того, чтобы эти бюрократические препоны, мы понимаем, что без них сложно, потому что механизм новый, его требуется апробировать, и всегда в начале возникает здоровый консерватизм. Но по мере развития механизма, конечно, если бы этот здоровый консерватизм немножко дополнялся гибкостью, на наш взгляд, это было бы очень полезно.

Про перспективы Кыргызстана, давайте еще раз я с вашего позволения открою первый слайд, возможностей очень много, потому что экономика действительно самая бурно растущая на пространстве ЕАЭС. Поэтому, безусловно, есть перспективы для российского бизнеса, для бизнеса из всех стран ЕАЭС для того, чтобы совместно с Кыргызстаном реализовать проекты.

Российско-Кыргызский фонд развития — это действительно уникальный механизм на пространстве ЕАЭС. Насколько я знаю, только в одной стране он есть — в Кыргызстане. Когда действительно есть такие ресурсы, которые в первые пять лет можно получить, начиная от 0,1% в текущих условиях. Это действительно та ставка, которая позволяет очень быстро окупить проект.

Из тех моментов, которые еще хотелось бы отметить. Для бизнеса очень важно не только реализовать проект, но и иметь выход на рынки сбыта. Если бы программа позволяла также стимулировать каким-то образом экспорт продукции, выход на рынки сбыта, это тоже, на наш взгляд, существенно повысило бы привлекательность данного механизма.

Думаю, что совместно с проектным офисом, совместно с Евразийской экономической комиссией все-таки в этом году нам удастся структурировать и профинансировать проекты. Тем более, что заявки есть, условия уникальные, поэтому для бизнеса они интересны. Самое главное, чтобы сейчас эти теоретические возможности перешли в практику. Насколько большие возможности дает экономика, собственно говоря, уже отметил.

Завершая, хотелось бы также подчеркнуть то, что мы, как Российско-Кыргызский фонд развития, каждый год проводим Кыргызско-Российский экономический форум. Последние годы он проходит на берегу замечательного озера Иссык-Куль, и в этом году также в конце июля, начале августа мы планируем такой форум провести.

Уважаемая Анастасия Викторовна, уважаемые коллеги, приглашаем вас на Кыргызско-Российский экономический форум, он будет восьмым по счету, будем рады вас там видеть. Как справедливо отмечала Анастасия Викторовна в самом начале, как раз на нашем форуме одна из сессий была посвящена теме промышленной кооперации. Модерировала ее как раз Анастасия Викторовна.

Эта сессия действительно встретила очень большой интерес, и мы будем рады, уважаемые коллеги, предоставлять наши возможности и возможности нашей площадки для того, чтобы создавать также новые кооперационные связи. Благодарю всех за внимание. Буду очень рад ответить на ваши вопросы и буду очень рад обменяться с вами контактами для того, чтобы создать новые кооперационные цепочки.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное, Антон Владимирович. Спасибо за то, что поделились и информацией о продуктах, которые есть у фонда, но и также такой сводкой, какие еще меры необходимы. Здесь особенно интересно, что абсолютно независимо друг от друга, мы ведем работу с компаниями и абсолютно такие же запросы получаем.

В целом очень любопытный момент. Когда механизм запускался, то большинство экспертов говорили о том, что основная сложность и проблематика будет связана с тем, что необходимо составить кооперационную цепочку из трех партнеров, и это станет каким-то совершенно нереализуемым условием.

Но наш опыт показывает, что на самом деле в этом как раз каких-то критичных сложностей не возникает и, наверное, это не самый болезненный вопрос, а гораздо больше сложностей и вопросов возникают в процессе самой проработки проекта и, может быть, для многих компаний не всегда очевидно и достаточно только получения дешевых средств под инвестиционные затраты, а они говорят о том, что очень важно понимать, что будет со сбытом. Здесь абсолютно эти запросы и чаяния бизнеса в наших диалогах совпадают. Спасибо большое за то, что поделились опытом работы по этому вопросу.

Слово для дальнейшего доклада я хотела бы предоставить Петру Владимировичу Своику, нашему гостю из Республики Казахстан.

(00:25:02)

На сегодня Петр Владимирович является членом Общественного совета по национальному проекту модернизации энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Республики Казахстан, возглавляет казахстанскую ассоциацию «Прозрачный тариф», а также за плечами Петра Владимировича солидная политическая карьера. В начале 1990-х он был депутатом Верховного Совета, затем возглавлял Государственный комитет по ценовой и антимонопольной политике.

Поэтому опыт ваш, Петр Владимирович, в ваших профильных направлениях был бы чрезвычайно интересен для нас. Мы пока, может быть, не столько фокусируемся на энергетике, когда говорим о поддержке совместных проектов, хотя абсолютно очевидно понятно, что без этого направления никуда, и здесь есть большие перспективы именно для выстраивания диалога, может быть, в решении каких-то совместных проблем.

Будет очень интересно, если вы осветите, как вообще обстоят дела в этой сфере, все ли благополучно? Либо нужно что-то спасать и что-то предпринимать? Пожалуйста, вам слово.

Пётр Своик: Добрый день. Я свое выступление озаглавил «Электроэнергетика, как углубитель евразийской интеграции». Надо добавить, взгляд из Казахстана. Но вы знаете, я нахожусь под сильнейшим впечатлением вчерашнего дня, когда денежно-кредитная политика подверглась просто сокрушительному разгрому.

Причем этот разгром уже звучит на уровне думских комитетов, на уровне крупных предпринимательских корпораций, на уровне научного сообщества. То есть еще доверху не дошел, но уже, будем надеяться, какой-то эффект будет. Я это прямиком сопрягаю с тем, что собираюсь говорить, но чуть позже вернусь.

Почему полностью национализация денежно-кредитной политики и, соответственно, всех институтов, начиная у вас с Центробанка, у нас с Национального банка, она для электроэнергетики просто, как жизнь и смерть. Но по интеграции сначала.

Очень неслучайно именно после мирового кризиса 2007–2008 годов начался процесс создания сначала Таможенного, потом Евразийского экономического союза. Вообще политические последствия от этого экономического союза, они были потрясающие, и Майдан, и Крым, и все последующее, включая СВО — это последствия на самом деле Евразийского экономического союза.

Экономических пока никаких, потому что и Таможенный, и Экономический союзы зафиксировали, а Таможенный — отменили границы, но вместо таможенников на эти границы вышли технические инспектора. Что касается экономики, то этот союз просто зафиксировал остаточные торговые отношения и ничего к ним не добавил с тех пор, ни промышленного, индустриального, ни тем более инвестиционного формата Евразийский экономический союз пока не приобрел. Тут мы выходим на электроэнергетику. Но сначала я все-таки вот про вчерашний день.

Эта политика, которая подверглась сокрушительному разгрому, в частности, процентная ставка Центробанка у вас, а у нас она еще даже выше, 18%, она вообще по-своему очень даже умна и эффективна, если рассматривать ее с точки зрения внешнего интереса. То есть в такой экономике национального кредита, а уж тем более национальных инвестиций, не должно быть в принципе.

Что для этого надо сделать? Надо местную валюту, которая объективно качеством-то похуже, рыночная стоимость ее понижее, но надо ее сделать дороже в разы. Соответственно, тогда финансовый местный рынок высасывает деньги из реальной экономики в местные финансовые пузыри, а промышленного производственного кредита нет. Потребительский — пожалуйста, а промышленного нет. То есть внутри такой экономики вообще ничего не должно быть, тратящего ресурсы вне интересов внешнего рынка. Все очень на самом деле рационально.

Но именно электроэнергетика подводит объективно черту под этой ситуацией. Потому что, братцы мои, СССР закончился, вернее, заканчивается только сейчас, и заканчивается он в электроэнергетике и в жилищно-коммунальной сфере. И то, и другое в рамках этой

рыночной модели не создавалось, оно было унаследовано и эксплуатировалось, и сейчас подошло, по крайней мере у нас.

(00:30:06)

У вас — это в России — из-за СВО, по-моему, это пока немножко отодвинуто, но в принципе ситуация такая же точно. Электроэнергетика и коммуналка достигли критического износа, растет дефицит даже этих изношенных мощностей.

Мы в Казахстане приняли несколько национальных проектов, один по модернизации и обновлению, второй по расширению. Я вам скажу, в рамках политики «тариф в обмен на инвестиции», это то самое кредитование, только на обновление надо положить еще один тариф сверху. Это в идеале, без коррупции, без ничего, просто еще один тариф. На развитие, на расширение надо класть еще два тарифа. Итого мы имеем четыре тарифа. Понятно, что это совершенно невозможно, это неподъемно. Сама попытка осуществлять развитие инфраструктуры за счет роста стоимости ее услуг заклинит процесс где-то достаточно скоро.

Поэтому, при всем уважении, я с удовольствием услышал доклад предыдущего коллеги, 10% всего лишь вместо там 20 — это супер, но это все равно убийство для энергетики, именно для коммуналки убийство. Потому что, если ты туда вкладываешь и даже просто вытаскиваешь деньги, уже не говоря о том, что еще сверху процент накручивается, то стоимость инфраструктуры растет и душит и экономику, и социалку.

Поэтому именно в этой сфере надо ставить вопрос ребром. Инвестиции должны быть внетарифные и по большей части безвозвратные. Государство вкладывает денежку, в ответ оно имеет не вытасченную назад с коммерческим процентом, а увеличение основных фондов, увеличение отпуска продукции, увеличение эффективности и все такое.

Можно ли этот вопрос решить отдельно в Казахстане, в Кыргызстане? Пытаться надо, обязательно надо, потому что надо своими силами принимать решения. Но вообще это дело колхозное, только вместе надо решать в принципе вопрос о появлении на пространстве бывшего Советского Союза национального, во-первых, кредита, а в части инфраструктуры — так еще и просто безвозвратных инвестиций.

Добавлю, что Казахстан в электрическом смысле — это есть север наш. У нас энергетика делится официально на северную и на южную. Наш север — это российский Урал, Западная Сибирь, Алтай, а наш юг — это Киргизия, Узбекистан и Таджикистан. Поэтому, если мы хоть что-то строим в Казахстане, мы одновременно развиваем и российскую, и центральноазиатскую энергетiku, и не дай бог нам потерять высокую конкурентоспособность.

Это самая длинная, самая мощная, самая во всех смыслах эффективная энергетика в мире. Но «тарифы в обмен на инвестиции» и вообще коммерческое кредитование этой энергетики — это национальное самоубийство. Я это говорю в Казахстане настойчиво, вот я говорю с этой трибуны.

Второе. Мы сейчас уже строим, к сожалению, за заемные деньги, уже приходится. Смотрите, строят братья-китайцы — котел китайский, турбина немецкая, электрика корейская. Это еще одно национальное самоубийство, потому что базовая инфраструктура энергетическая должна создаваться в рамках этой же промышленной модели. Если ты будешь тащить энергетику из-за рубежа, ты далеко не уедешь. Тут что тариф, что иностранная поставка — это все самоубийство.

Конкретно у нас в Казахстане где-то около 70 ТЭЦ, стандартная городская ТЭЦ 1960–1970-х годов рождения прошлого века. В России таких ТЭЦ в 10 раз больше, считай. В Киргизии есть, та же разбомбленная Украина, там надо, наверное, сотни таких станций строить. Это как конструктор Lego — типовой котел, типовая турбина, типовое насосное оборудование и так далее.

Если это ставить на поток, тогда это не просто рабочие места и все замечательно, это еще и дешевый киловатт-час, самый дешевый в мире.

(00:35:02)

Соответственно, все искусственные интеллекты и так далее — это все наше конкурентное преимущество. Поэтому... Я время перебрал, заканчиваю.

Анастасия Астахова: Да. Петр Владимирович, если завершать, представим, что вы возглавляете министерство профильное, какие бы конкретные меры, шаги для выхода из этой сложной ситуации вы могли бы предложить? Проекты совместные, может быть, начинания в рамках ЕАЭС?

Пётр Своик: Во-первых, я бы создал действительно профильное министерство, его сейчас нет. У нас есть Министерство нефти, оно называется энергетика, на самом деле это министерство нефти и газа, и там есть небольшое отделение Минэнерго. Я бы создал прежде всего Министерство энергетика и жилищно-коммунального хозяйства, как общий комплекс.

Второе. Я бы, конечно, постарался договориться со всеми соседями и создать межгосударственный комитет по электроэнергии и по газу, наверное, и по транспорту тоже. То есть все участники — Киргизия, Казахстан, Россия — делегируют туда полномочия, а комитет уже самостоятельно принимает решения. Уже там не нужен ни консенсус, ничего, комитет принимает решения.

Например, я бы, как министр из Казахстана сказал бы, что, прежде всего, надо строить Камбаратинскую ГЭС–1 в Киргизии, и всем колхозом вложиться в нее. Наконец, я бы не утерпел, даже рискнул бы должностью и сказал бы: «Национальный кредит». На иностранную коммерческую денежку — это национальное преступление, энергетика этого не выдержит. Все, спасибо.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное, Петр Владимирович. Очень интересные на самом деле тезисы. Для нас такое, может быть, не каждый день рассматриваемое направление,

но, когда вы выступали, у меня это очень ассоциировалось с тем, что мы имеем в рамках нашей ежедневной работы по проектам. Очень интересно.

Дело в том, что мы работаем с заявками, которые приходят к нам. То есть как бы это инициатива, условно говоря, самих компаний снизу, и это зачастую определенные наиболее активные отрасли. Но те темы, которые вы поднимаете, они как раз показывают, что единственным верным подходом здесь было бы не только реагировать на конкретные точечные запросы отдельных компаний, но и, наоборот, посмотреть с другой стороны, продумать, где мы сейчас критично зависим, по какому оборудованию, по каким видам компонентов, и попробовать как раз заранее продумать, и собрать, может быть, где-то и вручную какой-то проект по этой части.

Пётр Своик: Вам одной только отрасли энергетики хватит.

Анастасия Астахова: Да, хватит за глаза заниматься ей, абсолютно. Коллеги, давайте двигаться дальше. У нас есть не менее интересный блок вопросов, разумеется, связанный с первой частью. Мы хотели бы обсудить вопросы кадрового характера, кадрового дефицита, вообще, что сегодня в этой сфере у нас происходит.

Мы не случайно вынесли в заголовок нашей темы такой тезис: «Миграция или экономическая интеграция». Сегодня, если взглянуть на нашу евразийскую тему с точки зрения обычного человека, то, что мы наблюдаем на улицах, то не секрет, что для многих есть определенное сегодня болезненное восприятие этой темы, может быть, где-то негативное. Связано оно с усиленным притоком мигрантов, который сегодня происходит.

Насколько правильно решать наши кадровые вопросы и проблемы путем той политики, которая в этой связи наблюдается? Либо же, может быть, напротив, нужно выстраивать подходы, связанные с более активным созданием рабочих мест при участии в том числе России в странах Союза для того, чтобы мы могли не хаотично в этом направлении двигаться, а иметь какую-то стратегию, какие специальности нам нужны, чего не хватает, как создать рабочие места, чтобы люди оставались и с радостью работали у себя дома? Поскольку все предпочтут работать дома, если есть такая возможность.

Хотели бы порассуждать про эти аспекты и темы евразийской интеграции. Естественно, здесь отмечу, что такого рода перевод этой повестки в позитив, своего рода «миграционный поворот», как мы это называем, создаст более позитивный отклик у населения наших стран к тому, что сегодня происходит.

Хотелось бы очень обсудить эти темы, и для доклада по кадровым вопросам я хотела бы передать слово Валерию Валерьевичу Семикашеву, заведующему лабораторией прогнозирования топливно-энергетического комплекса Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Пожалуйста, Валерий Валерьевич, вам слово.

Валерий Семикашев: Добрый день, уважаемые коллеги. Спасибо за приглашение. Очень содержательные дискуссии на пленарке и на сессии. Я послушал предыдущую сессию, которая здесь была, про философию.

(00:40:03)

На самом деле один из докладов был про то, что разные экономические модели могут быть, не обязательно с окупаемостью инвестиций в классическом виде под заемные кредиты и так далее. Это сочетание экономической тематики Московского экономического форума и общественной тематики — оно важное.

Вчера очень много говорили про экономику, я сегодня хочу говорить больше про рынок труда, это основная часть моего доклада. Вторая часть доклада — это кадровые вопросы развития ЕАЭС, и ее доложит коллега Наталья Павловна.

Проблема дефицита труда в российской экономике — один из факторов, которые объясняли то, что экономика была перегрета и надо ее было охлаждать. Дальше я буду показывать периодически табличку со статистикой, чтобы было интересно. Но проблематика, если посмотрим, потребность экономики в трудовых ресурсах, там как бы перегрев. Откуда мы берем? Из демографии, из миграции, и они друг на друга взаимодействуют.

Но гораздо большая проблема — это структурная нехватка кадров. У нас сильно меняется эффективность использования трудовых ресурсов. Например, недавно были на предприятии. В советское время оно на единицу продукции, условно говоря, перерабатывало, надо было 10 тысяч человек, сейчас они перерабатывают 10 единиц, и надо 3 тысячи человек. То есть в 30 раз возросла производительность труда.

Если говорить про сектор ЖКХ, который на самом деле остался советским до сих пор, то там производительность труда выросла в лучшем случае в десятки процентов, в лучшем случае. При этом там есть большой потенциал повышения, автоматизации и так далее. Это одна часть проблемы.

Вторая часть проблемы — это изменение ценностей у молодежи и другие ценностные ориентиры. Если мы говорим о трудовой миграции, там люди переезжают заработать денег и так далее, то есть у них свои стратегии, и рынок труда должен под это адаптироваться.

Изменение ценностей у молодежи в чем? У нас закончились те поколения, которые готовы были идти работать в традиционной сфере типа образования, школа, медицина, культура, безопасность, где зарплаты ниже среднерыночных. То есть молодежь, которая выходит уже сейчас на рынок труда и далее, она не готова за такую зарплату работать. Нам надо трансформировать свою экономику, чтобы решить эту проблему. Через пять-десять лет мы с этим столкнемся сильнее всего.

Следующий фактор — это цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, изменение мировой экономики. Здесь на слайде показана моя экспертная оценка, не надо приписывать это к институту, это моя оценка, то, как я понимаю экономику, и она там структурно разбита на модернизацию, на базовое доведение до современного уровня технологий, организационные инновации и внедрение всякой цифровизации и так далее.

Большая часть повышения труда, у нас не выполнены майские указы предыдущих президентов, когда надо было создать какое-то количество высокооплачиваемых рабочих мест. Высокооплачиваемых — значит высокопроизводительных. То есть у нас вся сфера услуг, я называл общественные виды деятельности, там есть потенциал повышения эффективности труда, и этим надо заниматься.

Внедрение технологий позволит это сделать. Но нужны новые модели. Я вернулся к вчерашней пленарке, когда говорили, что культура, у нас там тратятся на блокбастеры деньги, а есть совсем другие, более эффективные способы производства качественного. Производство не значит, что надо отказываться от массовой культуры, от массового кино, но надо повышать его эффективность, окупаемость и так далее. Для этого есть и нужны новые модели в каждой из этих отраслей. Это касается традиционных отраслей экономики, от видов деятельности в обрабатывающей промышленности или ЖКХ, до общественных видов деятельности.

Следующий момент — вызовы, которые связаны с внедрением ИИ, цифровизации, роботизации, будут для работников. Мы уже живем в жизни, когда обучение должно быть постоянным. Видим, возникает вызов, что многие, особенно офисные, что сейчас ИИ внедряется, надо иметь несколько сфер приложения себя, как специалиста, и развиваться в разных, чтобы, если ваша профессия закончится, а ввести беспилотное вождение уже сейчас возможно, то есть это чисто моральный вопрос и ответственность политиков, кто примет решение. На самом деле технологически это возможно, и таких решений уже очень много.

Для компаний что? Изменение подхода к найму сотрудников, подготовке кадров, выстраиванию карьерной лестницы.

(00:45:04)

Например, диплом какого-то вуза, если кадровик не понимает, что там есть знания, которые есть, а есть просто диплом, который сделан во многом на искусственном интеллекте, это ничего не дает компании. То есть проще заменить, уже сейчас во многих сферах AI-агенты стоят, условно, 100 долларов за год, тысяча долларов за год, а сотруднику надо каждый месяц платить.

Для государства в среднесрочной перспективе, пять-десять лет, у нас уже будут меняться модели трудовых отношений, социальные, пенсионные модели. Если говорить про общество, еще и семейная модель будет меняться. Этим всем должны заниматься наши, в первую очередь, я думаю, законодательная власть и всякие общественные советы, и общественные организации должны эти вопросы задавать. Мы здесь как Форум тоже эти вопросы задаем.

Перехожу к некоторым тезисам по задаче развития кадрового обеспечения российского рынка с учетом взаимодействия со странами ЕАЭС.

Важно. У нас традиционно сложилась некоторая модель привлечения мигрантов. Сейчас это выглядит в таком виде, что работодатель экономит на более дешевом труде. Трудовые мигранты несут повышенные риски относительно более цивилизованных моделей, а российское общество несет нагрузку из-за такой модели.

То есть эту модель лучше менять и все считать, затраты, выгоды. Условно, работодатель должен нести затраты соответствующие, страховку и так далее обеспечивать. При этом полезно использовать людей, которые приехали сюда работать, а все-таки российская экономика более развита в большинстве видов деятельности, чем страны, откуда приезжают трудовые мигранты, они могут отсюда увозить опыт, набирать капитал, кто-то для свадьбы, а кто-то создает свой бизнес, с этим опытом уезжает.

И важный тезис — не пресекать миграционную политику. Нам надо привлекать население не только из стран ЕАЭС, но и через все другие каналы. Надо улучшать демографию не только материнским капиталом, о чем вчера говорилось. На самом деле потенциал, который материнский капитал может дать, уже почти весь выбран. Надо смотреть другие, где недоработана социальная политика, где можно позволить родить дополнительных детей тем, кто хочет.

Последний тезис перед тем, как я передам слово, о том, что экономическая политика внутри ЕАЭС не использует, с одной стороны, потенциал возможности стран полностью, которые есть в ЕАЭС, с точки зрения сочетания этих стран. Когда коллега говорил об энергетике, есть Кыргызстан и Таджикистан, у которых много воды и ГЭС, а есть Россия и Казахстан, где тепловые станции, они гораздо лучше будут работать в совместной системе.

Тут то же самое. Есть страны, где избыток трудовых ресурсов, и есть страны, где их недостаток. Но мы можем не просто заполнить друг друга, но и получить дополнительный эффект, и об этом я дальше передам слово.

Анастасия Астахова: Наталья Павловна Савина, доцент кафедры мировой экономики РЭУ имени Плеханова, а также старший научный сотрудник Лаборатории прогнозирования топливно-энергетического комплекса Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Представляя Наталью Павловну, я не могу не упомянуть, что именно этот человек стал драйвером очень мощных процессов, связанных с кадровой темой. Дело в том, что Наталья Павловна уже на протяжении многих лет помогает нам в подборе студентов, заинтересованных в прохождении стажировок по евразийской тематике, и, на мой взгляд, это как раз тот самый пример очень конкретной работы каждого из нас на своем месте, когда мы достигаем значимых результатов.

Может быть, это не те результаты, которые можно пощупать уже сегодня, хотя и такие есть — люди идут работать в эту сферу, я знаю такие примеры. Но это необычайно важно для того, чтобы формировать у молодежи, у поколения, которое сегодня учится и заканчивает

вузы, именно благоприятное, заинтересованное отношение к процессам евразийской интеграции и к работе с этими процессами в этих странах.

Поэтому, пользуясь случаем, хочу искренне поблагодарить и предоставляю слово. Наталья Павловна, хотелось бы услышать ваше мнение касательно того, какие, собственно говоря, возможны меры, начинания, какие необходимы программы именно в рамках Евразийского союза?

То есть то, на что мы можем сегодня совместно подготовить предложения и повлиять, которые позволили бы приблизиться к решению тех сложных задач по кадровому направлению, которые у нас есть.

Особенно, на мой взгляд, остро эта тема стоит в связи с тем, что в отличие от промкооперации, которая зафиксирована, как сфера, в договоре о Союзе, как мы с вами знаем, кадровые вопросы — это абсолютная прерогатива национальных политик сторон.

(00:50:05)

Это тоже, наверное, определенная сложность. То есть можно ли что-то совместно здесь предпринимать, и что лучше? Пожалуйста, вам слово.

Наталья Савина: Спасибо, Анастасия Викторовна. Хочу выразить благодарность за то, что пригласили принять участие в этом Форуме, и сказать, конечно, о том, что позитивная динамика уже достигнута. Мы можем отметить, что за 10 лет существования ЕАЭС уровень безработицы в странах-участницах сократился вдвое — до 2,8%, что является исторически низким показателем. Также совокупный ВВП Союза вырос почти на 18%, а промышленное производство — на 30%, объем инвестиций увеличился более, чем на 40%.

Но, тем не менее, потенциал используется не в полной мере. Доля ЕАЭС в мировом ВВП составляет лишь около 4%, притом, что 20% мирового населения и четверть разведанных полезных ископаемых свидетельствуют о значительном потенциале для роста. Как заявил президент Белоруссии Александр Лукашенко, поставил задачу, как минимум, удвоить этот показатель в следующее десятилетие.

Интеграционных решений недостаточно без проектной составляющей, и формальное снятие барьеров здесь, такое как свободное движение товаров, капитала и рабочей силы, создает лишь предпосылки. Реальное создание рабочих мест требует запуска конкретных кооперационных проектов.

В этой связи ключевым инструментом выступает новый механизм финансовой поддержки промышленной кооперации, который был запущен в 2024 году, и хотела бы еще подчеркнуть, что самого механизма недостаточно. Требуется прицельно решить вопрос, связанный с нехваткой кадров для совместных проектов, поскольку успешная реализация серьезных крупных проектов невозможна без решения кадрового вопроса в стране базирования проекта.

Первый опыт показывает востребованность этого механизма. На ноябрь 2025 года в ЕЭК поступило 16 проектных заявок общей стоимостью около 17 миллиардов рублей. Одобрены проекты в сфере железнодорожного машиностроения, сельхозмашиностроения. Прогнозный объем финансирования на 2025 год — около 9 миллиардов рублей. Это как раз то, о чем Анастасия Викторовна сказала в самом начале.

Отвечая на вопрос, хочу сказать, что существующих интеграционных решений недостаточно. Это лишь создает некие правила игры. Для устойчивого создания рабочих мест необходимы отраслевые кооперационные проекты с реальным финансированием и, безусловно, согласованная промышленная политика, которая направлена на взаимодополнение, а не на конкуренцию экономик. Здесь кадровый вопрос выступает, как ограничение для этих кооперационных проектов.

Здесь я хотела бы представить некоторые меры. Это взаимное признание документов об образовании и ученых званиях. В феврале 2026 года согласован проект соглашения о взаимном признании документов об ученых званиях, и его подписание ожидается в первой половине текущего года, что позволит преподавателям и исследователям из стран Союза работать без подтверждения ранее присвоенных званий.

Также формирование программы развития кадрового потенциала, которая соответствует потребностям единого рынка, и ориентирами здесь являются поддержание высокого уровня занятости, снижение безработицы, рост заработной платы. Однако это невозможно без обращения к бизнесу, без запроса компаний о том, какие специалисты востребованы, для того чтобы готовить кадры и тем самым закрывать узкие места.

Свободное трудоустройство граждан ЕАЭС — это уже достигнутый принцип. Однако необходимы механизмы согласования спроса и предложения рабочей силы, цифровые платформы вакансий, прогнозирование потребностей в кадрах под крупные кооперационные проекты, которые должны включать и содержать обязательный образовательный компонент.

(00:55:05)

Это и целевое обучение, и стажировки, и обмен специалистами. То есть сейчас, по сути, этого нет, никто этим вопросом не занимается, серьезно не озадачен. Поэтому я думаю, что важно вести работу в рамках этого механизма как раз по вопросу подготовки кадров.

Также хочу выделить, что необходимо создание центров компетенций при евразийских технологических платформах и подготовка кадров для работы с новыми технологиями.

Заключая свою речь, подводя итог, хочется сказать, что государства задают приоритеты развития, и предложенная Беларусью концепция «ЕАЭС 2.0» ориентирует на переход от конкуренции к взаимодополнению национальных экономик, встраиванию в общие производственные цепочки и формированию совместных предложений по экспорту.

Но необходима также и политическая воля, поскольку, готовясь к выступлению, я посмотрела, что за 10 лет из 18 ключевых целей «Стратегии 2025» часть осталась недостигнутой, и это зона ответственности национальных правительств. В том числе это и рост числа барьеров с 34 до 35 вместо их устранения, то есть индикатор того, что национальные правительства не смогли договориться.

Так и не заработал общий финансовый рынок. Перенос сроков по единому рынку нефти и нефтепродуктов, тоже примеры того, как национальные правительства блокируют эти решения. Что касается внешних ограничений, их отмечено аж 280 против ЕАЭС, то есть тоже недостаточно скоординированная внешняя торговая политика стран.

Завершая свое выступление, в части международного позиционирования хочу отметить, что государства совместно формируют единую позицию ЕАЭС на международной арене. В 2025 году подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве с Объединенными Арабскими Эмиратами и с Монголией. Кстати, в рамках своей преподавательской деятельности я дважды была в этой стране, тоже интересный опыт.

Казахстан с 1 января 2025 года председательствует в ЕАЭС и может задать импульс для развития сотрудничества, в том числе с ШОС и другими объединениями, как мне кажется. Все, спасибо большое за внимание.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное, Наталья Павловна. Чрезвычайно интересные предложения. Я думаю, что у нас есть как раз прямая необходимость учесть их в нашей работе и продвигать в дополнение к тем мерам поддержки, которые существуют сегодня.

Это очень соотносится с теми кейсами, которые нам встречаются в ежедневной работе, потому что ряд компаний, которые приходят, и мы говорим с ними о запуске производств не на домашней территории, а именно в других странах, первый вопрос, который они задают: «Как мы там справимся? Как нам, всю свою команду туда везти или как нам быть? Это все очень дорого». С кадрами всегда вопросы возникают. Поэтому думаю, что этим направлением нужно приоритетно также заниматься.

Слово для следующего доклада я хотела бы передать Тумасову Михаилу Осиповичу, представителю Торгово-промышленной палаты Кыргызской Республики в Российской Федерации. Пожалуйста. Михаил Осипович входит, предвосхищу, в Проектный офис по поддержке кооперации, мы постоянно находимся на связи, и сегодня для меня будет очень интересным рассмотреть совместно с Михаилом Осиповичем тот аспект работы, который, как я и говорила, остается за кадром, может быть, наших рабочих ежедневных совещаний.

Сегодня, Михаил Осипович, прошу вас открыть, на стыке, наверное, будет тема, и кадрового вопроса, и мягкой силы, приоткрыть этот блок вопросов по мягкой силе. Мы знаем, что у вас есть очень интересный опыт и аналитические сведения касательно того, как проявляют себя инструменты мягкой силы, как это направление развивается в Кыргызстане с точки зрения присутствия других игроков из третьих стран.

Поделитесь, пожалуйста, с нами. Расскажите, может быть, какие-то интересные кейсы других стран, за счет чего им удается эффективно позиционироваться, что, собственно, они делают, какова их стратегия и как нам быть в этой связи тоже? Пожалуйста, Михаил Осипович.

Михаил Тумасов: Благодарю вас, Анастасия Викторовна, и, конечно, затронем вопросы интеграции.

Уважаемые коллеги, сегодня мы обсуждаем вопросы, которые относятся к экономике, но по сути, речь идет о гораздо большем.

(01:00:04)

Речь идет, в каком мире мы будем жить и какое место в этом мире займет Евразийский союз.

Мир меняется, и вместе с ним меняется конкуренция. Мы видим, как стремительно трансформируется глобальная система, разрушаются привычные экономические связи, перестраиваются цепочки поставок, меняются центры силы. Но главное, происходит более глубокий процесс — меняется сама природа конкуренции.

Сегодня конкурируют не только государства, не только экономики. Конкурируют смыслы, модели развития, конкурируют образы будущего, системы ценностей, и в этой конкуренции выигрывает не тот, у кого больше ресурсов, а тот, кто может предложить людям понятную, справедливую модель жизни. Если Евразийский экономический союз хочет быть не просто рынком, а проектом будущего, мы должны честно ответить на вопрос: «Что делает ЕАЭС привлекательным для человека?»

Евразийский экономический союз уже доказал свою состоятельность. Обеспечена свобода движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, создаются общие рынки, развиваются цифровые решения. Но давайте скажем прямо — этого недостаточно. Если мы хотим двигаться вперед, нам необходимо перейти на следующий уровень: от координации к развитию, от торговли к производству, от формальных механизмов к реальным возможностям для людей.

Что делает интеграцию привлекательной? Ключевой вопрос не в институтах, ключевой вопрос в человеке. Почему человек должен выбрать Евразию? Какие идеи могут быть привлекательны для граждан ЕАЭС? Чтобы интеграция стала живой, она должна опираться на три фундаментальные опоры ценности — справедливость, идентичность, баланс.

Евразийское пространство исторически формировалось, как пространство диалога культур. Здесь никогда не было навязанной единой модели, здесь всегда искали баланс, и сегодня этот баланс востребован, как никогда, баланс свободы и ответственности. Речь идет о социальной справедливости, возможности роста, уважении к традициям, сохранении культурной идентичности, поддержке семьи.

Конечно, особую роль играет русский язык. Русский язык, как язык возможностей, язык образования, язык профессионального роста, межнационального общения. Хотел бы подчеркнуть: значение русского языка определяется не политикой, а его объективной востребованностью. Это не просто язык, это экономический актив и социальный лифт. Русский язык — это инфраструктурный проект, который не требует бетона, но соединяет миллионы людей.

Экология. Вопросы экологии сегодня приобретают глобальный характер, но мы должны исходить из собственных интересов. Для стран Евразии важно рационально использовать ресурсы, сохранять природное богатство, развивать современные технологии, но без отказа от экономического роста.

Технологии, доступность вместо элитарности. Сегодня технологии становятся новой формой неравенства. Одни страны создают, другие потребляют. Евразия должна предложить альтернативу — технологии, как общественное благо. Технологическое развитие — это ключ к суверенитету.

Но важно не только создать технологии, важно обеспечить их доступность. Для этого необходимо развивать инженерное образование, поддерживать научные школы, создавать условия для инноваций, внедрять цифровые решения. Технологии должны работать на людей, а не наоборот. Человек должен понимать, здесь я могу стать инженером, разработчиком, предпринимателем независимо от того, где я родился.

Платформы евразийской мягкой силы. Где продвигаются идеи? Идеи не распространяются сами по себе, им нужны инструменты, им нужны платформы. Сегодня такими платформами является образование — главный капитал влияния. Самый мощный инструмент мягкой силы — это школа, это университет, это преподаватель. Через образование формируется мышление, мировоззрение человека, ценности, профессиональные траектории, и именно здесь мы уже видим конкурентов. Турция — через образовательные сети, Запад — через гранты и университеты, Китай — через инфраструктуру и обучение. Вывод очевиден — если мы не инвестируем в образование, мы теряем будущее.

(01:04:56)

Чтобы эти идеи стали реальностью, нужны конкретные механизмы — развивать совместные образовательные программы, поддерживать академическую мобильность, создавать современные учебные центры и, что принципиально важно, обеспечить доступность качественного образования.

Коллеги, в конечном счете, все, о чем мы говорим, сводится к одному — к качеству жизни людей. Главный приоритет — человек. Если человек может получить образование, найти достойную работу, реализовать себя, тогда интеграция работает.

Уважаемые коллеги, Евразийский союз имеет все возможности стать одним из центров глобального развития. У нас есть ресурсы, технологии, человеческий потенциал, но самое главное — у нас есть опыт совместного развития. Наша задача — использовать этот

потенциал, сформировать такую модель, которая будет справедливой, устойчивой, ориентированной на человека, и тогда Евразийский союз станет не просто экономическим пространством, а пространством будущего.

Хотел бы перейти ко второму вопросу, подробнее рассмотреть конкуренцию мягкой силы на примере Кыргызстана. Кажется, что это образовательные вопросы, но в действительности эти вопросы лежат в основе геоэкономики, геокультуры, стратегического будущего целых регионов.

Кыргызстан в настоящее время — это страна, где происходит тихая, но крайне важная трансформация образовательного и культурного пространства. Кыргызстан не просто государство Центральной Азии, в настоящее время это поле конкурентной мягкой силы. Это узел пересечения влияний — исторически российского, усиливающегося турецкого, образовательного западного, экономического китайского.

Именно здесь сегодня особенно отчетливо видно — кто работает системно, тот формирует будущее элит. Поэтому современная мягкая сила — это не только культура и язык, это школы, программы, стипендии, карьерные траектории и ценностные ориентиры.

Как действует Турция? Сразу после развала Советского Союза в 1992 году в Кыргызстане появилась сеть школ «Себат». Это был момент, когда многие игроки только присматривались к региону, Турция зашла первой. Школы быстро заняли нишу качественного частного образования. Сильная математика, естественные науки, углубленный английский и турецкий языки, дисциплина, международные перспективы, конечно, способствовали этому.

После известных событий в Турции в 2016 году сеть была переименована в SAPAT, а в 2024 году передана под управление турецкого государственного фонда MAARIF, и здесь начинается самое важное. Что такое MAARIF? Это не просто образовательный фонд, это инструмент государственной политики Турции за рубежом.

Он централизует управление школами, стандартизирует программы, интегрирует образовательную повестку с внешней политикой, обеспечивает долгосрочное присутствие, и главное — он работает не ситуативно, а стратегически. К слову, фонд представлен более, чем в 40 странах.

Через сеть SAPAT и фонд MAARIF реализуется комплексное влияние: образование высокого уровня, языковая политика, ценностная рамка, социальные лифты. Это критически важно. Мягкая сила становится реальной только тогда, когда она дает человеку будущее. Результат — формируется новая прослойка: образованная, мобильная, но ориентированная на Турцию, глобальный рынок, и связанная с турецкими институтами, а это будущие управленцы, предприниматели, эксперты.

Что это значит для России? Самое опасное, наверное — это недооценка. Россия долгое время опиралась на историческое присутствие, русский язык, как язык межнационального общения, культурную инерцию. Но мягкая сила — это не наследство, это ежедневная

работа. Нельзя считать, что и так все знают русский язык, и игнорировать конкуренцию, потому что в реальности происходит следующее — русский язык сохраняется, но теряет приоритет. Молодежь выбирает там, где есть возможности. Элиты формируются там, где есть инвестиции в образование.

Важно понимать, что у русского языка все-таки уникальная позиция в Кыргызстане — это язык межнационального общения, язык бизнеса, язык миграции и занятости, язык науки и технического образования.

(01:10:02)

Но потенциал не равен реализации. Если язык не поддерживается качественными школами, современными программами, карьерными возможностями, он превращается в инструмент прошлого, а не будущего. Я смотрю, что уже время, поэтому я буду заканчивать, Анастасия Викторовна.

Анастасия Астахова: Как раз это для нас хороший пример, иллюстрация.

Михаил Тумасов: Да. Хотелось бы еще сказать, что ключевой вывод. Опыт MAARIF показывает, что мягкая сила — это не лозунги, это инфраструктура, это школы, учителя, программы, инвестиции, долгосрочная стратегия, и главное — это уважение к локальному контексту. Нельзя приходить в регион с ощущением превосходства. Нужно понимать культуру, слышать общество, находить отклик у людей.

Что стоит на кону? Речь идет не только о языке. Речь идет о том, кто будет формировать элиты, кто будет задавать ценности, кто будет определять экономические связи будущего. Россия обладает всем необходимым, чтобы быть лидером мягкой силы в регионе — историей, языком, культурой, образовательной базой.

Но этого недостаточно. Нужны системность, инвестиции, современность, и самое главное — уважение конкуренции. Потому что в XXI веке выигрывает не тот, кто был первым, а выигрывает тот, кто не перестает системно работать. Благодарю.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное, Михаил Осипович, это необычайно ценный вклад в нашу дискуссию, и я очень признательна, что сегодня мы с вами в диалоге в необычном для нас формате. Обычно обсуждаем экономические проекты, а сегодня тема, которая непосредственно на них влияет.

Мне показалось чрезвычайно важным, я хотела бы заострить внимание на том тезисе, одном из тезисов, который вы упомянули — мягкая сила становится реальной только тогда, когда она дает человеку будущее. То есть не просто говорить о каких-то совместных начинаниях, инициативах, проектах, о продвижении русского языка, о каких-то культурных аспектах, это вопрос ценностей, смыслов и образа будущего. То есть человек должен понимать, что эта идеология, назовем это так, рисует этот образ будущего, и он ему нравится.

Мне кажется, что на этом аспекте будет очень интересно продолжить наше дальнейшее обсуждение. Я хотела бы передать слово для дальнейшего доклада Эдуарду Владиславовичу Боякову, режиссеру, продюсеру, художественному руководителю Театра на Малой Ордынке.

Эдуард Владиславович, у вас, несомненно, огромный опыт по направлению, которое мы сегодня хотим рассмотреть, как центральное, и будет очень интересным ваше мнение как раз касательно этого образа будущего.

Мы, готовясь к сессии, обсуждали, что есть определенные концепты. Есть концепция, которую предлагал в свое время Советский Союз, и даже все согласятся, что было такое понятие, как «менталитет советского человека». То есть на тот момент это удалось, и это был выстроенный концепт, который предлагал определенные ценности, идеалы, определенное понимание, куда мы идем, стабильность, защищенность, то есть определенную полную картину, о которой говорил Михаил Иосифович. Это историческое прошлое.

Есть также известный нам опыт того, что предлагалось в 1990-е годы. Альтернативные течения, наши так называемые партнеры, что предлагали они, свой образ будущего, так называемая «американская мечта, тоже определенный, очень сильно и искусно выстроенный концепт за этим стоял.

Сегодня, как мы обсуждаем оба дня на форуме, понятно, что эта система сейчас находится на сломе. Но и сейчас как раз тот момент, когда нужно, важно, необходимо предложить определенную альтернативу. В чем, на ваш взгляд, может быть эта альтернатива и на каких концептуальных началах мы можем это построить для того, чтобы быть понятными для людей в рамках Евразийского союза, чтобы эти идеи заражали людей, были популярны, востребованы, не оставляли их равнодушными? Что мы можем им сегодня предложить? Пожалуйста, вам слово.

Эдуард Бояков: Спасибо большое. Очень интересная дискуссия, очень интересное сочетание тем экономической повестки и цивилизационной повестки.

(01:14:56)

Мне очень важно и симпатично мнение организаторов Форума о том, что необходимо на форуме, который называется экономическим, постоянно говорить о цивилизационной проблематике, о культурной политике. Вчера я модерировал сессию с Четвериком, посвященную этому вопросу, сегодня я участвую, как участник дискуссии.

Очень радостно слышать ссылку на сессию, которая была посвящена философии, на которой наш уважаемый коллега был, и это тоже мои друзья, товарищи, с которыми я нахожусь в постоянном диалоге. Конечно, присутствие таких людей, как Александр Гельевич Дугин и Олег Степанов, Борис Акимов, которые вели — это очень важный контекст, без которого все конкретные инструментальные, финансовые и прочие вопросы для меня не имеют никакого смысла.

Просто действительно, на самом деле очень интересно обсуждать, я не знаю, структуру какой-то мебельной ножки. Кто-то должен думать о том, как должны быть устроены какие-то электрические сети. Кто-то должен думать о том, как должны работать финансовые институты, какие-то специальные банковские инфраструктурные решения.

Это все важно, но это приобретает важность и смысл только тогда, когда у людей есть ответы на самые главные, сутевые вопросы жизни. Люди должны понимать, зачем они живут. Люди должны иметь ответ на вопрос: «Кто я такой? Что такое человек?» Не только в личном, персональном, индивидуалистическом измерении, что свойственно западному человеку — одинокому, фрустрированному, подавленному и, в общем-то, растерянному, давайте констатировать очевидное, — но и в отношении социума должен быть ответ на вопрос: «Кто мы такие? Почему мы здесь?»

Этот ответ, я оттолкнусь от выступления предыдущего оратора, уважаемого коллеги из Киргизии, который говорил о необходимости, о важности образования. Очень много было этому посвящено слов. Это действительно важная тема, важнейшая тема. Но хочу внести некий полемический момент.

Образование — это всего-навсего трансляция. На территории образования невозможно рождаются смыслы. Смыслы рождаются в других пространствах — либо на территории науки, у человека два полушария, не будем изобретать велосипед, либо на территории семиотики, культуры, творческой деятельности. Образование — это уже форма и способ донесения чего-то.

Поэтому тот успех турецких школ, о котором вы говорите, связан с образом Турции, который турки смогли сформировать, а это было не в школьных аудиториях. В школьные залы, в школьные аудитории люди пришли. Пришли почему? Потому что им нравится отдыхать в Турции, потому что им нравится брать очень дешевые туры в Стамбул и видеть невероятные сокровища не только мусульманской архитектуры, но и византийской.

Мы можем взять билет за какие-то копейки — это вообще-то единственная страна, через которую мы обязаны лететь сейчас на Запад, — и увидеть Айю-Софию, великий храм, который был крупнейшим храмом в мире в течение тысячи лет. Мы смотрим турецкие сериалы.

Я, оказываясь в самолете, совсем недавно летел в Южную Америку, естественно, на Turkish Airlines, сделав пересадку, и потом уже в Перу, далеко. Сколько? 15 или сколько-то часов. Я был потрясен меню турецкой компании, и гастрономическим, потому что человек в невероятном колпаке приносил, рассказывал мне, что хлеб, оказывается, возник в Турции.

Что касается меню фильмов и музыкантов, я, как специалист, я сейчас не говорю про свою основную деятельность, я сейчас не говорю про музыку и театр, которыми я занимаюсь, я говорю сейчас, как культуролог, стараясь найти с вами, дорогие коллеги, отношения на более глубоком уровне, ничего близкого наша современная русская культура предложить не может.

(01:20:19)

Ничего близкого. Я это говорю, как человек, фильм которого в меню «Аэрофлота» был и даже, кажется, есть. Но того разнообразия, того выбора нет и в помине.

Мы являемся уже много лет, безусловно, колонией культурной и цивилизационной. То, что уважаемый коллега, выступающий на этой трибуне, говорил про возможности мягкой силы, я полностью, безоговорочно согласен. Они невероятные, они огромные. Эта самая сила, которую называют мягкой, она самая тяжелая, самая мощная, она в основе всего.

Любой человек, который плывет несколько лет в какую-то неизвестную страну, движим этой самой мягкой силой. Это внутренняя сила, это духовная сила, которая была у западной цивилизации, которая смогла подчинить весь мир, и мы живем в этом календаре, мы живем в этих экономических реалиях, которые придуманы не нами, абсолютно точно.

Главный труд, объясняющий феномен западной культуры, во всяком случае, один из главных, наверное, вы, конечно, все знаете. Как называется известнейшая работа главного западного социолога Вебера? «Протестантская этика». Протестантская, то есть этика и связь с религией — вот, что двигало этими людьми.

Если мы не объединимся, если мы не рассмотрим отношения, я сейчас говорю про постсоветское пространство, если мы не поймем, что мы должны делать, мы продолжим этот дрейф в сторону колонии. То, что мы уже в этом направлении, совершенно точно, и процессы, которые в том же Казахстане происходят, Казахстан отказывается от кириллицы. Только осознайте, какой смысл говорить о каких-то, что, я сейчас буду читать про то, сколько там Россия и Казахстан друг в друга инвестировали?

Эти отношения циничных взрослых дядек, которые что-то считают себе, а потом думают, как эти бабки вывезти в Швейцарию или в Дубай. Сейчас не в Швейцарию и уже не в Эмираты, сейчас еще куда-нибудь начнут вывозить — в Шри-Ланку или в Сингапур. Это цинизм, а смысл — в другом пространстве. Факт является фактом, Казахстан отказывается от кириллицы, переходит на латиницу, на этот язык. Это какое имеет отношение? Как это может быть?

Ереван, Армения, которая является якобы членом этой уважаемой организации, экономического сотрудничества, блокирует все совершенно связи гуманитарные, отворачивается. В Ереване, в котором я много раз выступал, в котором я был, в котором люди стремились знать русский язык, сейчас просто какой-то был момент, когда людям было некомфортно разговаривать, когда к ним на русском языке обращаешься, а сейчас молодежь двадцатилетняя — они просто не знают этого языка, он им не нужен. Они изучают армянский и английский. То же самое в Тбилиси, то же самое в Азербайджане.

Мы катастрофически теряем запас. Я заканчиваю. Энергия, которая есть, — она огромная. Есть факт хорошей инерции. Конечно, русская культура — это великая культура. Конечно, у нас есть невероятно важный опыт, связанный с Советским Союзом. До Советского Союза империя давала очень много и среднеазиатским странам, Грузия.

Вся элита, достаточно посмотреть, что такое русская царская элита. Так это же огромное количество людей, не русских по крови, но русских по культуре, по духу. Это было, мы эту инерцию, мы сейчас проедаем эти кредиты, не думая, что придет момент, когда нам придется возвращать их с огромными процентами.

(01:24:56)

Я надеюсь, что те, от кого это зависит, и те люди, которые меня слушают, которые занимаются политикой и экономикой, будут понимать, что настоящий фонд имеет смысл только тогда, когда, любой фонд должен начинаться с гуманитарной повестки. Я это говорю, как человек, который общался со всеми послами этих государств западных, который многожды был дома у всех послов.

Гете институт, Французский культурный центр, Американский культурный центр, Spras House, который приглашал, это программы, Сорос, который спасал русскую культуру, это огромные деньги. Они мизерные, по сравнению с инвестициями в банковский сектор или в экономику, но они очень важны, и все начинали с этого, и перестройка началась с этого. Мы должны начинать сейчас с этого — возвратиться к смыслу. Спасибо.

Анастасия Астахова: Спасибо большое, Эдуард Владиславович. Мы сейчас можем провести интересную параллель. Мы часто в области наших диалогов по чисто экономическим вопросам, многие эксперты поднимают вопрос того, что, как вы сказали, мы проедаем то, что у нас накоплено, наш предыдущий багаж, но в данном случае экономический.

Если сопоставить это с культурой, то, когда такого рода экономические совещания ведутся, единственным здравым вариантом, с которым все соглашаются, является то, что мы не можем дальше это продолжать, нам нужно предложить что-то новое, модернизировать. Да, с опорой на ту основу, которая есть, но модернизировать.

Если здесь провести параллель с культурной сферой и говорить о том, что мы должны сегодня выйти из этой ситуации, которую вы описали, что все-таки мы можем позитивного предложить? Наверное, сначала для самих себя внутри, а затем и в рамках нашего партнерства в ЕАЭС. То есть на чем эти смыслы строить?

Эдуард Бояков: Культурную политику. Должна быть разработана культурная стратегия. Если мы констатируем, если вы соглашаетесь с неким диагнозом о том, что мы больны, а мы больны, мы зависимы, мы нездоровы, тогда любой процесс лечения, здесь ничего не надо изобретать, содержит некие этапы.

Надо начать с диагноза, надо начать с описания и нужно придумать план лечения. Это культурная стратегия, это культурная политика, это наука. Это такая же наука, как энергетика, это такая же наука, еще более сложная, чем банковское дело. Это такая же наука, как математика, как атомная.

Вы же не позовете людей, вы же не позовете меня: «Постройте, пожалуйста, атомную станцию». Так и не надо, тогда зовите неспециалистов придумывать эти программы. Я

сейчас не лично о себе говорю, а о людях моего склада, моей профессии. Этого не происходит.

Неизбежно на этих позициях оказывается чья-то жена, какая-нибудь чья-то подруга, какие-то люди, которые типа: «Она у меня тоже дизайнером где-то была, какая-то девушка сейчас будет организовывать гастроли». Кого гастроли? За что воевать? За то, чтобы в Киргизии выступал Киркоров? Я думаю, что киргизам не очень, во всяком случае, образованным киргизам это не нужно, они не мечтают об этом.

Что мы предлагаем? Вот вопрос.

Анастасия Астахова: Понятно, спасибо. Очень четко поставлен диагноз, как мы можем говорить.

Слово для следующего доклада я хотела бы передать нашему гостю для представления, может быть, ситуации с точки зрения как раз армянской стороны, о которой сегодня уже говорили, Тоганяну Арману Самвеловичу, выпускнику российских образовательных программ, магистратуры Национального исследовательского ядерного университета МИФИ и аспирантуры по направлению «Мировая экономика» Университета РЭУ имени Плеханова.

На самом деле, когда мы приглашали Армана Самвеловича, за концепцией такого диалога на сессии стояла очень новая, может быть, где-то для нас экспериментальная идея. Мы хотели посмотреть на примере интересного, живого опыта конкретного человека, как работает эта «мягкая сила» в позитивном ключе.

То есть до сих пор все-таки есть примеры того, как люди из стран ЕАЭС связывают свою жизнь с Россией, свою карьеру, профессиональную деятельность и в целом жизнь, и было бы очень интересно узнать мотивы такого рода, то есть как эта история складывалась, почему это произошло, почему был сделан выбор именно в пользу этого направления.

Но, что не менее интересно, и здесь, на мой взгляд, значимо, так совпало, что, помимо этого, Арман Самвелович еще и очень интересный для нас эксперт непосредственно в наших экономических вопросах, с точки зрения профессиональной деятельности, надеюсь, вы расскажете.

(01:30:10)

Поэтому передаю вам слово. Пожалуйста, расскажите про вашу историю и профессиональную деятельность.

Арман Тоганян: Здравствуйте. Очень рад сегодня участвовать в данном экономическом форуме. Было очень интересно услышать многие интересные мнения по этому поводу, что думают коллеги о перспективах развития экономической интеграции и о других насущных вопросах.

Представляюсь. Меня зовут Тоганян Арман, и мой путь — это история выбора, преемственности и дружбы народов. Основной областью моих исследований является Евразийский экономический союз. Я изучаю процессы интеграции между странами ЕАЭС, миграционные процессы и инструменты укрепления экономического и социального взаимодействия. Но сегодня я хотел бы поделиться своим личным опытом получения образования и построения карьеры в России — опытом, который сформировался на пересечении разных стран, академической среды и реального бизнеса.

Свое первое образование я получил в Армении, где с отличием окончил Национальный аграрный университет. Однако со школьных времен у меня была четкая цель — продолжить обучение в России, поэтому следующим шагом стала магистратура в Московском университете НИЯУ МИФИ по направлениям «Экономика и экономическая безопасность», которую я также окончил с отличием.

Во время обучения в магистратуре я уже начал активно заниматься научной деятельностью и принял решение продолжить образование в аспирантуре РЭУ имени Плеханова по направлению «Мировая экономика». По окончании аспирантуры в 2024 году я также поступил в магистратуру по направлению «Юриспруденция» в том же университете.

Параллельно с академической деятельностью я выстраиваю карьеру в бизнес-среде и имею свыше шести лет профессионального опыта, более двух лет в аудиторско-консалтинговых компаниях, далее во внутреннем аудите одной из крупнейших ритейл-компаний, и в текущий момент являюсь главным специалистом по аналитике данных в одной из крупнейших нефтегазовых компаний в России.

Анастасия Астахова: Как ваш личный опыт повлиял на формирование научных интересов? Такой аспект тоже.

Арман Тоганян: Мой личный опыт связан с тем, что мои научные интересы во многом выросли из моего личного опыта жизни и обучения в разных странах. Погружение в российскую образовательную и профессиональную среду позволило мне на практике увидеть, как формируются интеграционные процессы, как формируются экономические связи, и Евразийский экономический союз как раз является важной площадкой, где пересекаются экономика, политика и социальные процессы близких друг к другу стран.

Мне стало интересно не только изучать эти механизмы теоретически, но и искать практические инструменты, которые могут усилить взаимодействие между странами. Особое внимание я уделяю миграционным процессам в различных интеграционных объединениях, не только в Евразийском экономическом союзе, это ССАГПЗ, ASEAN и другие интеграционные объединения.

Я твердо убежден, что именно через движение людей интеграция приобретает реальное содержание. Важно не просто регулировать миграционные потоки, а выстраивать такие инструменты, которые раскрывают их положительный потенциал, способствуют экономическому росту, развитию рынка труда и накоплению человеческого капитала.

В конечном итоге речь идет о том, чтобы интеграция ощущалась не только в экономических показателях, но и в возможностях, доступных каждому человеку. Именно через образовательные и научные инициативы можно укреплять взаимопонимание, обмен знаниями и опытом, формировать устойчивые профессиональные и межкультурные связи.

На основе этого подхода и моего опыта, связанного с ЕАЭС, с интеграционными процессами, хочу предложить несколько важных инициатив, которые не очень трудозатратны и не требуют огромных средств, поскольку уже есть база для усиления интеграции и улучшения образовательных процессов между Арменией и Россией.

Во-первых, хотел бы отметить обмен студентов на один семестр и более для погружения в академическую среду армянских и российских университетов.

(01:35:06)

Хочу отметить, что в настоящее время реализуются различные программы получения полного высшего образования в Российской Федерации по линии Россотрудничества и других ведомств.

В то же время практика краткосрочной и среднесрочной академической мобильности, обмена студентов на один семестр или чуть больше, пока не получила широкого распространения. Я думаю, что в данном случае охват будет больше в части образовательной миграции, если мы будем думать также по этому направлению.

Второй важный момент — программы двойного диплома между армянскими и российскими вузами. На текущий момент в Армении действуют филиалы различных российских вузов, в том числе и моего университета — РЭУ имени Плеханова. Это, конечно же, положительный момент, и он хорошо влияет на сотрудничество между странами.

Однако программы двойного диплома реализуются лишь в рамках Российско-Армянского университета, который выступает успешным примером интеграции образовательных стандартов двух стран.

Вместе с тем, несмотря на активное сотрудничество между армянскими и российскими университетами — именно армянскими и российскими, подчеркиваю, — аналогичные программы в других вузах пока практически отсутствуют. Я думаю, что это тоже очень важный момент и очень важное направление, чтобы задуматься о таком расширении сотрудничества.

Третий важный момент — это создание совместных лабораторий, акселераторов и инженерных городков в Армении и России. Потому что образовательные процессы и интеграция в конечном итоге должны приносить и экономические выгоды в том числе. Необходимо, чтобы на уровне образовательных программ армянские и российские студенты из различных вузов начали вместе работать над реальными техническими проектами.

На сегодняшний день хочу отметить, что данное направление остается недостаточно развитым, что одновременно указывает на наличие значительного потенциала для запуска новых двусторонних инициатив.

Я твердо убежден, что именно такие шаги позволят молодым специалистам, студентам и ученым не только обмениваться знаниями, но и вместе создавать будущее, укреплять экономические, социальные и культурные связи, а также развивать интеграцию в рамках ЕАЭС. Спасибо за внимание.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное, Арман Самвелович. Я очень рада, что именно вы сегодня с нами в студии, поскольку лично для меня, я думаю, что и для гостей, для нашей аудитории, это очень значимый показатель. Что, несмотря на всю сложность ситуации, о которой в том числе предыдущие наши выступающие говорили, все-таки есть какие-то общие скрепы, как мы говорим, эти идеи, ценности, и ваша семейная история тоже здесь, понятно, естественно, влияет.

Но это очень ценно, что мы можем поделиться таким опытом друг с другом. И я считаю, что это вселяет надежду — то, что такие сильные, мотивированные специалисты работают в России, и это позволит нам дальше развивать наши евразийские отношения. Спасибо вам большое.

Арман Тоганян: Спасибо.

Анастасия Астахова: Коллеги, у нас есть еще записавшийся докладчик для небольшого комментария. Я хотела бы пригласить для выступления Юрия Владимировича Баранчика, кандидата философских наук, специалиста по философии языка, мировой геополитике, современной политике безопасности в Евразии.

Пожалуйста, Юрий Владимирович, небольшой буквально, если можно, комментарий. Как раз мы так понимаем, что вопросы мягкой силы, ее применения, то, что затрагивалось в рамках дискуссии, также актуальны и близки для вас. Будем заинтересованы услышать ваше мнение.

Юрий Баранчик: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые слушатели, участники нашего форума. Я буквально несколько слов скажу, потому что эта проблема огромная, и выступали уже восемь человек, и мы, я уверен, затронули только малую часть настоящих проблем.

Я хотел бы в такой парадигме выстроить свой небольшой рассказ, что я, естественно, обладаю опытом работы на госслужбе — это администрация президента, Министерство иностранных дел, работал в ряде научных институтов, которые обеспечивают деятельность и Президента, и Администрации Президента. Сейчас работаю в некоторых научных институтах.

(01:40:03)

Дело в том, что, исходя из опыта, что такое мягкая сила? Мягкая сила — это только наконечник того копья, которое имеет каждое государство в своем распоряжении. То есть это такая лайковая перчатка, которая должна быть надета на железный кулак.

Наверное, все помнят дискуссию, которая была в российском Telegram месяц, полтора, два назад с критикой Россотрудничества. Россотрудничество — это как раз-таки и есть инструмент «мягкой силы». Но ведь это только самая маленькая часть того, каким ресурсом обладает Россия, как и любая большая страна, на этом направлении.

У нас же есть определенная вертикаль власти, и, естественно, эта власть имеет экстраполяцию в область внешней политики. То есть это уровень президента, потом уровень правительства. На уровне правительства масса министерств работает по своим тематикам с зарубежными странами.

Есть профильное министерство, которое работает на внешнеполитическом, так сказать, рынке — это Министерство иностранных дел, и это огромная машина. Но я уже молчу про спецслужбы, которые тоже, естественно, кроме СВР, все работают по своим методикам, специализациям, направлениям и так далее. Эта работа в основном не видна.

Мы видим Россотрудничество, «мягкую силу», конференции, форумы, организацию творческих вечеров, поэтических, концерты, пляски всякие и так далее. Но с учетом того, как я видел деятельность Россотрудничества в Белоруссии, могу сказать, что там мы столкнулись с тем, когда начали общаться с коллегами из других стран, в частности СНГ, я уже про дальнее зарубежье молчу, что, собственно говоря, сама методика этой деятельности существенно ограничена, притом внутренним российским законодательством.

Здесь есть проблемы, естественно, на территории тех стран, в которых работает Россотрудничество методами «мягкой силы». Но, если мы сравним с методами работы западных стран — Британии, Америки — то мы видим, что, собственно говоря, они скупают элиту.

Они скупают элиту, они не проводят эти конкурсы песен, пляски, вечеров поэтических. Все их внимание направлено на элиту, работа с министерским уровнем, уровнем чиновников и так далее с тем, чтобы навязывать, как говорил Эдуард, свою систему ценностей, чтобы она была туда вплетена.

Мы имеем массу примеров по России, например, когда те или иные западные инструкции просто впечатаны в российское законодательство на базовом уровне. Мы помним все историю с Конституцией. То есть речь дошла до того, что в 1990-е годы та Конституция, которую мы принимали, была написана не только западными советниками, но и с их участием нашими людьми, которые работали по их методикам. Соответственно, мы видим пример «мягкой силы», как он может трансформироваться.

Сейчас, допустим, если говорить об СВО, тоже «мягкая сила». Давайте представим, что нам надо сделать для того, чтобы Мексика напала на США? То есть мы должны в Мексике

привести целую плеяду политических деятелей к власти, поменять все партии, провести весь этот комплекс работ, который сделали американцы и англичане на Украине, и потом устроить такую заварушку. То есть представляете несопоставимость потенциалов и методик, и того, как должны строиться и ставиться задачи на самом деле и перед МИД, и перед Россотрудничеством.

Я к чему? Что на самом деле мы даже близко не подходим к определению тех задач, которые мы должны решать на этом направлении. Потому что «мягкая сила», я еще раз подчеркну, это лайковая перчатка, которая должна надеваться на железный кулак государства. Но, если у государства нет воли, этого железного кулака, то лайковая перчатка — это просто мягкий кусочек материи, который ничего не значит. Я на этом бы и хотел закончить. Спасибо.

Анастасия Астахова: Спасибо огромное за ваш комментарий. На мой взгляд, он как раз очень интересно дополняет нашу дискуссию, то, что уже было сказано, и позволяет действительно понять, насколько четко выстроена и проработана со всех сторон должна быть эта система, чтобы она действительно эффективно срабатывала. Те примеры, которые приводились, это подтверждают.

Коллеги, у нас есть несколько вопросов из зала. Мы, разумеется, к сожалению, в связи с ограничением по времени не успеем их рассмотреть все. Но хочу уточнить, для одного вопроса у нас будет еще пара минут? Я тогда хотела бы озвучить вопрос к Эдуарду Боякову. Он звучит так: «Какие вдохновляющие примеры культурного сотрудничества вы могли бы привести, чтобы показать, как творчество объединяет нас?» Пожалуйста, можете прокомментировать?

(01:45:06)

Эдуард Бояков: Простите, может быть, за не совсем корректный ответ, но я поспорю с самим вопросом. Мы очень много говорим о сотрудничестве, бесконечно много говорим о культурном сотрудничестве, забывая саму природу культурного процесса. Культурное сотрудничество — это, наверное, 5% всех возможностей, когда нам действительно интересно на горизонтальном уровне обменяться чем-то. Тогда возникает какой-то совместный танец.

Но в 95% случаев это невозможно. Либо ты учишься у меня, либо я учусь у тебя. Это можно назвать сотрудничеством, обменом, но эта схема предполагает трансляцию. Нельзя двум большим поэтам, один из которых пишет стихи на английском языке, а другой на русском, встретиться и написать совместное стихотворение. Невозможно.

Сотрудничество — это тогда, когда я переведу на русский американского поэта, и тогда мы будем говорить не о сотрудничестве, а о воздействии, о влиянии.

Поэтому только передача, только трансляция. В этом отношении я с Юрием согласен. Твердый кулак, а его уж надо красиво. Поэтому мы должны думать не о сотрудничестве, мы должны думать о культурной экспансии, мы должны думать о культурной войне, чтобы

не попасть в ситуацию, в которую попадают сейчас наши, вызывающие восхищение, иранские братья, не побоюсь этого слова, которые противостоят мировому империализму. Мы должны думать не о том, как с кем-то вместе сплясать, с турками, с чукчами, с казахами, с американцами. Мы должны думать о том, как делиться тем, в чем мы уверены.

Если пример, один пример. Последний роман Льва Толстого. Лев Толстой, великий русский писатель публикует книгу, пишет свой последний большой роман «Воскресение». Если не все знают, как происходила презентация этой книги, я очень быстро расскажу.

Роман выходит одновременно на пяти главных языках, не на русском — на английском, французском, немецком. В день выхода романа, за несколько дней до этого раздаются книги журналистам, и все мировые издания, без всякого исключения, выпускают редакционную статью о романе Льва Толстого. Мы можем сегодня представить, чтобы все, любая российская газета, английская, американская, все написали редакционную статью о только что выходящей книге?

На Piccadilly Circus в Лондоне, на площади, где стоит главный книжный магазин Waterstone, огромная пробка из экипажей, потому что происходит первый завоз в этот магазин. В центре Лондона огромная пробка, люди не могут туда попасть. Вот пример культурного сотрудничества.

Пусть англичане называют это сотрудничеством с русской культурой, а русская культура будет называть это просто захватом. Это культурная война — это единственная война, которая должна быть разрешена. Мы должны постоянно соревноваться, мы должны побеждать в честном, открытом соревновании, конечно, предполагающем некие правила уважения не просто к каким-то там государствам, а к цивилизации.

Иран выигрывает, потому что это цивилизация, а не просто какое-то отдельное государство. Мы должны почувствовать, что мы, Россия, Российская империя, являемся этой цивилизацией. Спасибо.

Анастасия Астахова: Мне кажется, что именно на этом нужно завершить нашу дискуссию. Я безумно признательна всем, кто принимал в ней сегодня участие. Спасибо огромное за ваши предложения, идеи, обмен мнениями и саму постановку вопроса, которая также является чрезвычайно значимой в том состоянии, в котором мы находимся сегодня.

Спасибо большое. Будем продолжать совместно работать, спасибо.

(01:50:10)

(01:50:37) (Конец записи).